

В. Каллаш

История русского театра

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Каллаш**
История русского театра: Том 1 / В. Каллаш – М.: Книга по Требованию, 2021. – 438 с.

ISBN 978-5-458-23701-7

Авторы этой уникальной книги поставили перед собой задачу дать «Историю русского театра» как одной из важнейших и блестящих сторон русской культуры «всем тем читателям, которые не только любят театр, но и хотят обогатить эту любовь к театру знанием его прошлого, его последовательной эволюции». Авторы убеждены в том, что только в России Театр вырос в большое общественное явление, и их мнение, что в российской жизни были периоды, когда «только в театре общество находило выход своим наболевшим чувствам» актуально и в наше время. К сожалению, из-за Первой мировой и Гражданской войн вышел только первый том. Он охватывает широкий период от народной драмы XI в. до становления императорских театров в XVII в. Обогащают содержание тома около 200 иллюстраций, в том числе и с гравюр редких портретов театральных деятелей и великих актеров России. В оформлении текста использованы художественные элементы из изданий XVIII-начала XIX в.в. Автор обложки и выходного листа известный художник В. П. Масютин.

ISBN 978-5-458-23701-7

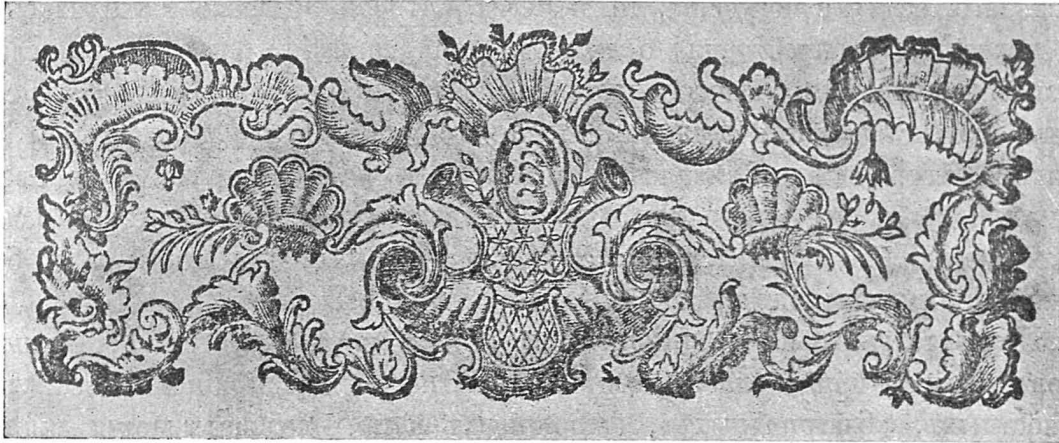
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

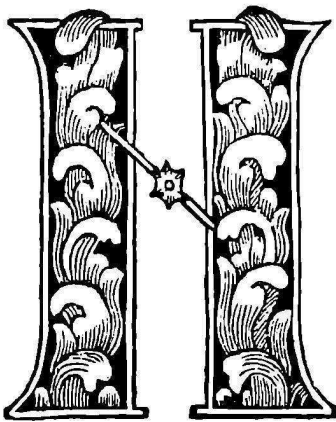
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

и въ одной странѣ театръ не игралъ такой роли, какъ въ Россіи. Если для «тишайшаго царя» театральныя представленія были только придворной забавой, «жалостной» или «прохладной», то для его сына, великаго Преобразователя, они уже сдѣлались могучимъ средствомъ проведенія европейскаго просвѣщенія въ некультурную русскую среду. Идея общедоступнаго, народнаго театра, шедшая навстрѣчу исконнымъ привычкамъ къ скоморошьямъ «играмъ», сразу же пустила глубокіе корни въ народную жизнь. Уже въ первыя десятилѣтія XVIII в. она была жадно подхвачена низшими, полуинтеллигентными слоями населенія и вызвала рядъ попытокъ демократизаціи театра, которыя къ половинѣ этого вѣка создали Волкова. И съ тѣхъ именно поръ театръ занялъ свое доминирующее положеніе въ русской жизни.

Придворный и школьный театръ во всѣ стороны пускаетъ свои побѣги.

По словамъ такого знатока нашего стараго быта, какъ Забѣлинъ, «разночинная интеллигенція посадской Москвы въ первой половинѣ XVIII ст. была единственнымъ хранителемъ, представителемъ и производителемъ те-

атрального, если не искусства, то ремесла, которое недалеко находилось и отъ искусства, распространяя о немъ первыя понятія, развивая въ своей публикѣ вкусъ, охоту, потребность въ увеселеніяхъ этого рода. Канцеляристы, кописты, даже стряпчіе, заодно съ дворовыми людьми, съ великимъ усердіемъ занимались лицедѣйствомъ и, затрачивая по времени не малую сумму на наемъ помѣщенія, «производили гисторическія всякія приличествующія дѣйствительныя публичныя комеди для желающихъ благосклонѣйшихъ зрителей».

Поразительно быстрое развитіе за XVIII в. самыхъ разнообразныхъ видовъ театра—придворнаго, казеннаго, частныхъ, предпринимательскихъ и крѣпостныхъ, «благородныхъ», фабричныхъ и пр.—подтверждается множествомъ фактовъ. Современныя имъ и позднѣйшія свидѣтельства вскрываютъ и причины этого явленія.

Составитель «Драматическаго Словаря» въ 1787 г. писалъ: «Каждый знаетъ, что въ десятилѣтнее время и меньше начальники, управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры построенныя и строящіяся, въ которыхъ заведены довольно изрядные актеры. Во многихъ благородные люди стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драматическія сочиненія, и примѣтно, что дѣти благородныхъ людей и даже разночинцевъ восхищаются болѣе зрѣніемъ театрального представленія, нежели гоняніемъ голубей, конскими рысканіями, или травлею зайцевъ, и входятъ въ разсужденія о пьесахъ, чему я самъ бывалъ въ провинціяхъ свидѣтель». Для сѣрой, часто грязной и нелѣпой, рабской русской жизни театръ былъ почти единственнымъ свѣтомъ, «возвышающимъ обманомъ», средствомъ пропаганды новыхъ подвиговъ и эстетическихъ требованій, замѣной активной жизни и дѣятельности. Къ нему рвется все сколько-нибудь живое, отзывчивое, ищущее. Изъ грязнаго мрака старой канцеляріи «подканцеляристъ» Крыловъ черезъ театръ и только благодаря театру выбивается въ первые ряды литературы. Поверхностное, легкое «театральство» молодого Грибоѣдова сдѣлало его въ концѣ концовъ авторомъ «Горя отъ ума». И вездѣ—яркіе слѣды напряженнаго интереса къ театру, восторженные гимны ему.

Неудачливый соперникъ Фонвизина Лукинъ въ предисловіи къ своей очень слабой комедіи «Щепетильникъ» даетъ драгоценныя свѣдѣнія о «комедіи, во всенародномъ театрѣ представляемой»: «Со втораго дня Святыя Пасхи открылся сей театръ; онъ сдѣланъ на пустырь за Малою Морскою. Нашъ низкія степени народъ толь великую жадность показалъ, что, оставя другія свои забавы, изъ которыхъ инныя дѣйствіемъ не весьма забавны, ежедневно на оное зрѣлище сбирался. Играютъ

тутъ охотники, изъ разныхъ мѣстъ собранные, и между оными два—три есть довольно способностей имѣющіе, и склонность чрезмѣрную. Сія народная потѣха можетъ произвести у насъ не только зрителей, но, современемъ, и писцовъ (писателей, авторовъ), которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ послѣдствіи исправятся... Сіе для народа упражненіе весьма полезно и потому великія похвалы достойно». Популярнѣйшій въ началѣ прошлаго вѣка драматургъ кн. А. А. Шаховской писалъ въ своей «Лѣтописи русскаго театра»: «Опроверженіемъ распространеннаго чужелюбіемъ мнѣнія, что театръ въ Россіи—не народная нужда, а насильственное введеніе,—кромѣ начального появленія въ семинаріяхъ и теремахъ, совершенно свободнаго рожденія въ Ярославлѣ, существованія за плату Книпперова театра, можетъ служить разореніе многихъ помѣщиковъ на домашніе театры, какъ самое пріятнѣйшее наслажденіе ихъ охоты и гостепріимства; а нынѣшніе театры почти во всѣхъ губернскихъ городахъ отъ остзейскихъ провинцій до китайской границы и, наконецъ, кто изъ военныхъ людей не видалъ въ полкахъ, на святкахъ, гренадеръ Синавовъ и флейтчиковъ Ильменъ, а о мельникахъ и сбитеньщикахъ и говорить нечего: ихъ даже и старинные подьячіе представляли».

Въ 1829 г. въ Москвѣ какой то книгопродавецъ А. П. напечаталъ свою автобіографію въ стихахъ:

Охота къ чтенію вселилась
 Еще съ младенчества въ меня,
 И искра эта заронилась,
 Какъ пламя сильнаго огня.

 И надъ Шекспиромъ я трудился,
 Но, видно, онъ мнѣ не годился,
 И я его не понималъ.

Проснувшееся сознаніе направило его къ театру, сдѣлало страстнымъ театраломъ и актеромъ-любителемъ. При одномъ упоминаніи о театрѣ онъ дѣлается «рабомъ восторга»:

Театръ! Театръ! Моя отрада!
 Чѣмъ я не жертвовалъ тебѣ?
 И нынѣ ты одна услада
 Въ моей прегорестной судьбѣ.
 Тебѣ послѣдній лептъ съ восторгомъ
 И нынѣ въ жертву приношу,
 Когда людей въ собраньи многомъ
 Въ амфитеатрѣ я сажу.

Я старожилъ театра точно,
И такъ друзья меня зовутъ.
Бывало, восемь верстъ нарочно
Мнѣ ничего не стоилъ путь,
Чтобъ побывать на бенефисѣ,
Въ ладоши хлопать той актрисѣ,
Которая могла вдохнуть
Восторгъ мнѣ въ пламенную грудь.
Театра искра вспламенялась
И постепенно разгоралась
Въ моей восторженной груди...

Безвѣстный книгопродавецъ, полуинтеллигентъ, въ этомъ отношеніи такъ близокъ къ «неистовому Виссаріону» Бѣлинскому, съ его восторженнымъ культомъ театра.

«Театръ!.. Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т.-е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодежь, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго! Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театръ больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть ли онъ исключительно самовластный властелинъ нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ возбуждать и волновать ихъ, какъ воздымаетъ ураганъ песчаныя мятели въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи? Какое изъ всѣхъ искусствъ владеетъ такими могущественными средствами поражать душу впечатлѣніями и играть ею самовластно?... Что же такое, спрашиваю васъ, этотъ театръ? О, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдаляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній»...

«Вспламенившаяся и постепенно разгорѣвшаяся искра театра» наложила свою печать на всю духовную жизнь нашего общества. Театръ затронулъ наиболѣе интимныя глубины русской души, и только у насъ выросъ въ большое общественное явленіе, изъ «потѣхи» сдѣлался школой и храмомъ...

Исторія русскаго театра—одна изъ важныхъ и блестящихъ сторонъ въ исторіи русской культуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ и одна изъ наименѣе изслѣдованныхъ нашей исторической наукой. Русское общество относилось и продолжаетъ относиться къ театру съ особенно напряженнымъ вниманіемъ и любовью, которыя принимали въ нѣкоторые моменты характеръ страстнаго увлеченія, и вмѣстѣ съ тѣмъ наше общество слишкомъ мало знакомо съ прошлыми судьбами театра и ходомъ его развитія.

Развитіе русскаго театра шло быстрымъ темпомъ. Онъ—самый юный въ

семь европейских театровъ. Онъ только началъ слагаться въ стройную форму, когда нѣкоторыя западно-европейскія сцены уже достигли высокой степени совершенства, имѣли и геніальныхъ драматурговъ, и замѣчательныхъ актеровъ, и тонко разработанныя теоріи сценическаго искусства. Но, начавъ жить значительно позднѣе другихъ, русскій театръ во всѣхъ его слагающихъ частяхъ, и въ драматургіи, и въ искусствѣ актера, и въ обстановкѣ спектакля, развивался съ такой напряженностью и быстротой, что успѣлъ къ нашему времени сравняться съ западно-европейскимъ театромъ въ глубинѣ и красотѣ своихъ достижений, а въ иныхъ отношеніяхъ, быть можетъ, даже возвысился надъ нимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ большіе успѣхи русскаго театра за границей, и какъ это многократно признавали сами сценическіе дѣятели и критики Запада.

Цѣлый рядъ условій способствовалъ такой быстротѣ роста нашего театра. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что значительно помогло ему то, что онъ имѣлъ уже готовые образцы на Западѣ, и въ драматургіи, и на сценѣ—этимъ образцамъ онъ подражалъ или подъ ихъ вліяніемъ жилъ. Но не въ одномъ этомъ причина его быстрога внѣшняго и внутренняго роста: были и другія причины, болѣе глубокія и сложныя. И одна изъ весьма важныхъ—тотъ интересъ и та любовь русскихъ людей къ театру, въ благотворной атмосферѣ которыхъ протекала вся его, сравнительно недолгая, жизнь. Почти одновременно съ возникновеніемъ нашего театра явились и этотъ интересъ, и эта любовь, притомъ, какъ мы видѣли выше, въ самыхъ различныхъ общественныхъ слояхъ. Любовь къ театру у насъ была нѣсколько особаго склада. Она была любовью не только «художественною»; русскій зритель шелъ въ театръ не только за эмоціями чисто эстетическаго порядка: въ немъ онъ искалъ и находилъ отвѣты и на иные запросы, въ томъ числѣ общественныя.

«Театръ—школа», «театръ—каедрa»: эти опредѣленія особенно подходили къ русскому театру. Была эпоха въ нашей жизни, очень продолжительная, когда такою школою общественности оказывался чуть ли не исключительно одинъ театръ, когда московскій Малый театръ въ своемъ просвѣтительномъ значеніи стоялъ рядомъ съ Московскимъ университетомъ, когда только въ театрѣ общество находило выходъ своимъ наболѣвшимъ чувствамъ. И все это поставило въ Россіи театръ въ положеніе совершенно исключительное, придало ему чрезвычайно важную, отвѣтственную и сложную роль, опредѣлило нѣкоторыя, совершенно особыя, черты въ его обликѣ.

Все это увеличиваетъ важность и интересъ исторіи русскаго театра, но разработанность ея, съ одной стороны, знакомство съ нею общества, съ другой, далеко не пропорціональны такой важности и такому интересу. Драматургія, входящая въ кругъ предметовъ изученія общей исторіи нашей литературы, еще въ болѣе счастливомъ положеніи; исторія же собственно

сцены, искусства актера и других дополнительных частей театрального цѣлаго разработана пока очень мало и во всякомъ случаѣ далеко не полно. Наша литература знаетъ рядъ великолѣпныхъ работъ и по этой части исторіи театра, работъ большой научной цѣнности. Обслѣдованъ и разработанъ матеріалъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ моментамъ нашего театрального прошлаго; заботливо собираются матеріалы по исторіи русскаго театра нашими музеями, въ томъ числѣ специально театральнымъ музеемъ А. А. Бахрушина, перешедшимъ въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ, и отдѣльными коллекціонерами. Но сдѣланы пока лишь очень немногія попытки дать стройное историческое изображеніе жизни русскаго театра. Потребность же широкихъ круговъ читателей въ такомъ изображеніи—несомнѣнная и вполне отчетливо сознаваемая. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что мысль о сравнительно обширной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и доступной среднему читателю «Исторіи русскаго театра» уже нѣсколько лѣтъ «виситъ въ воздухѣ».

Наше изданіе должно явиться посильнымъ осуществленіемъ этой назрѣвшей мысли, должно отвѣтить этой большой потребности. А состояніе нашей науки и количество накопленныхъ матеріаловъ даютъ смѣлость думать, что сейчасъ такая «Исторія русскаго театра» уже осуществима. Она еще не можетъ разсчитывать на совершенную полноту, на безупречную планомѣрность, стройную гармонію въ частяхъ, — такая «Исторія русскаго театра»—дѣло будущаго и, можетъ быть, не очень близкаго; но и теперь уже можно надѣяться на нѣкоторое приближеніе къ этой цѣли.

Изданіе наше обращается къ широкому кругу читателей. Оттого оно, на нашъ взглядъ, не должно носить характера строго академическаго. И потому, хоть оно и будетъ выполнено путемъ, такъ сказать, монографическимъ, составитъ изъ ряда главъ, написанныхъ специалистами по различнымъ областямъ исторіи театра, оно, при всей научной серьезности, будетъ стремиться сохранить доступность изложенія. Наша задача — дать «Исторію русскаго театра» всѣмъ тѣмъ читателямъ, которые не только любятъ театръ, но и хотятъ просвѣтить и обогатить эту любовь къ театру знаніемъ его прошлаго, его послѣдовательной эволюціи.

Лишь въ такомъ знаніи любовь и интересъ къ театру получаютъ прочную и широкую основу.

Сознавая, что истинный объектъ историческаго изученія—лишь явленія прошлаго, завершившаго полный кругъ своего развитія, мы тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ и интереснымъ, въ цѣляхъ полноты, довести нашу «Исторію русскаго театра» до его послѣднихъ дней, включить въ рамки описанія и то въ театрѣ, что сейчасъ находится въ процессѣ роста.

Въ раннюю пору своей жизни русскій театръ не былъ дифференцированнымъ, въ немъ сливались драма, опера, балетъ на одной сценѣ; часто они пользовались общими актерскими силами. Затѣмъ наступила неизбѣжная

дифференціація, основне условіе всякаго развитія. Наше изданіе лишено возможности съ одинаковой полнотой и обстоятельностью дать исторію жизни всѣхъ видовъ театра. Для этого потребовалось бы не шесть томовъ, но вдвое, можетъ быть, даже втрое большее ихъ количество. Главнымъ предметомъ нашей «Исторіи русскаго театра» будетъ потому лишь одна, на нашъ взглядъ, важнѣйшая изъ частей, именно театръ драматическій. Ему, его прошлымъ судьбамъ и его настоящему положенію посвящено большинство главъ изданія. Но рядъ самостоятельныхъ главъ будетъ удѣленъ также исторіи оперы и балета, при чемъ эти главы должны составить какъ бы дополненіе къ основному содержанію нашей «Исторіи русскаго театра».

Въ виду того, что біографіи драматурговъ можно найти въ любой изъ общихъ исторій русской литературы, мы даемъ только свѣдѣнія о жизни артистовъ и крупнѣйшихъ театральныхъ дѣятелей—не драматурговъ.

Наша «Исторія русскаго театра» будетъ коллективнымъ трудомъ. Отдѣльныя области этой исторіи настолько разрослись, настолько богаты матеріалами, что охватить ихъ одному изслѣдователю едва ли возможно. Дѣло редакціи—внести въ этотъ коллективный трудъ внѣшнюю и внутреннюю согласованность. Насколько намъ удалось достигнуть этой цѣли, судить, конечно, не намъ. Мы даемъ обобщеніе уже собраннаго и изслѣдованнаго—точку опоры, базисъ для дальнѣйшихъ работъ. Только путемъ такихъ постепенныхъ обобщеній можетъ создаться со-временемъ полная научная и научно-популярная исторія нашего театра.

Центромъ развитія русскаго театра были, конечно, Москва и Петербургъ. Тутъ всегда бился главный пульсъ нашей театральной жизни, тутъ вырабатывались формы и принципы русскаго сценическаго искусства. Поэтому и въ нашемъ изданіи будетъ отдано преимущественное вниманіе московскимъ и петербургскимъ, въ одинаковой степени, театрамъ. Но меньше всего хотѣли бы мы игнорировать исторію театра за предѣлами двухъ столицъ, въ провинціи. Нѣсколько главъ будетъ посвящено спеціально провинціальнымъ театрамъ и ихъ исторіи, насколько имѣющіеся матеріалы позволяютъ возстановить прошлое этихъ театровъ.

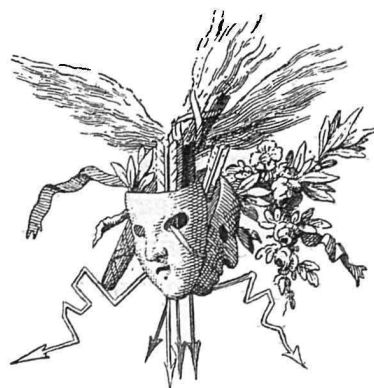
Таковы основныя цѣли, какія ставитъ себѣ настоящее изданіе. Содѣйствіе и сотрудничество лицъ, имена которыхъ перечислены выше, позволяютъ надѣяться, что цѣлей этихъ удастся достигнуть.

Большое вниманіе будетъ обращено на иллюстраціонную часть, для которой будутъ использованы, благодаря любезному разрѣшенію владѣльцевъ, богатые матеріалы театрального музея А. А. Бахрушина, собранія В. В. Протопопова, Александринскаго театра, Румянцовскаго и Историческаго музеевъ, Третьяковской галереи, Публичной бібліотеки, Музея Императора Александра III, Эрмитажа, Академіи Наукъ и Художествъ и другихъ общественныхъ и частныхъ хранилищъ.

При подборѣ иллюстрацій мы не могли руководиться только однѣми художественными задачами. Какъ это ни странно, прошлое театра оставило очень мало слѣдовъ въ нашей живописи и скульптурѣ. Съ большимъ трудомъ, въ особенности для XVII—XVIII вв., приходилось разыскивать и подбирать разрозненные случайные матеріалы, не всегда значительные по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Портреты многихъ театральныхъ дѣятелей нашего прошлаго не сохранились; нѣкоторые дошли испорченными отъ времени, были написаны третьестепенными художниками. Считая ихъ драгоценнымъ историческимъ матеріаломъ, мы включили въ свое изданіе и воспроизведенія такихъ оригиналовъ, которые не имѣютъ художественной цѣнности или представляютъ ее въ очень слабой степени.

Дѣятельное участіе въ нашемъ изданіи долженъ былъ принять В. К. Божовскій. Мы не могли воспользоваться его цѣннымъ сотрудничествомъ: тяжкая болѣзнь и преждевременная смерть помѣшали ему кончить подготовленный и уже начатый для насъ трудъ. Взятая имъ статья пришлось передать другимъ лицамъ, что и задержало нѣсколько выходъ въ свѣтъ нашего изданія. Въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ будутъ даны характеристика и портретъ В. К.

Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ принести нашу глубокую благодарность Дирекціи Императорскихъ театровъ, А. А. Бахрушину, В. В. Протопопову, управленію Румянцевскаго и Историческаго музеевъ, Публичной библіотеки, богатые собранія которыхъ по исторіи русскаго театра широко использовало наше изданіе; проф. Б. В. Варнеке, В. И. Саитову, А. Е. Молчанову, Н. А. Попову, А. П. Боткиной, Ж. А. Полонской, И. Е. Рѣпину, бар. Н. Н. Врангелю, В. О. Гиршману, А. А. Стаховичу, И. П. Чехову, Н. П. Ульянову, проф. В. И. Рѣзанову, В. А. Михайловскому, К. А. Фишеру, В. Θ. Саводнику, Б. Л. Модзалевскому, Н. И. Романову, С. С. Игнатову, благодаря содѣйствию или указаніямъ которыхъ мы имѣли возможность значительно обогатить иллюстраціонную часть нашего изданія,—и вообще всѣмъ лицамъ, которыя пришли къ намъ на помощь своими цѣнными содѣянными.

НАРОДНАЯ ДРАМА.

а ранних ступенях развитія культуры народная словесность, еще безграмотная и безличная, не знала отдѣльных видовъ поэтическаго творчества. Всѣ элементы поэзіи—зародыши того, что впоследствии получило названіе эпоса, лирики, драмы,—находились въ ту раннюю пору еще въ слитномъ (синкретическомъ) состояніи, не выдѣляясь въ особья, каждому изъ нихъ свойственныя, формы проявленія. Первоначальная пѣсня, въ которой на первомъ мѣстѣ стоитъ даже не слово, а музыкальная мелодія и ритмъ, обычно исполняется хоромъ; при этомъ ея незамысловатый текстъ, являющійся, въ большинствѣ случаевъ, только припѣвомъ, подспорьемъ къ музыкальному мотиву, и иногда состоящій лишь изъ простыхъ восклицаній, дополняется и поясняется движеніями, мимикою,—нѣкотораго рода дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, уже въ первобытномъ народномъ пѣснотворествѣ проявляется одинъ изъ существенныхъ элементовъ драмы—*дѣйствіе*. Въ дѣйствіи, которое неразрывно связывается какъ съ эпическимъ сказомъ, такъ и съ лирическимъ выраженіемъ чувства, обнаруживается присущее каждому человѣку стремленіе къ наглядности, изобразительности, въ соединеніи съ способностью мимирования, подражанія чужимъ жестамъ, движеніямъ, хваткамъ, голосу и т. д. Это и есть основное зерно, изъ котораго вырастаетъ впоследствии драматическое искусство. Нерѣдко пантомима, въ видѣ соотвѣтствующей пляски, исполняется въ тактъ хоровому пѣнію молча, ли-

цами, въ немъ неучаствующими, а только наглядно иллюстрирующими его содержание. Мотивы этой хоровой поэзіи, связанной съ дѣйствомъ, даются условіями быта, очередными или случайными, какъ, напримѣръ, война, охота, пора полового спроса, похороны и поминки и, въ особенности, — обряды культоваго характера, связанные со смѣною временъ года, тѣми или иными проявленіями силъ природы, наконецъ, — съ чествованіемъ боговъ. Съ обрядами соединяются также моленія, при чемъ подражательный элементъ дѣйства находится въ тѣсной связи съ желаніями и надеждами первобытнаго человѣка, который вѣритъ, что извѣстное символическое воспроизведеніе желаемаго вліяетъ на его осуществленіе. Само собою разумѣется, что съ развитіемъ бытовыхъ формъ и культовой обрядности появляются и новые, и болѣе разнообразные поводы для хоровой игры-пѣсни. По мѣрѣ того, какъ припѣвы хора становятся все болѣе и болѣе содержательными, и самый текстъ ихъ все больше и больше выдвигается въ игръ или обрядъ на первое мѣсто. При этомъ хоръ, первоначально единый, распадается на двѣ группы, которыя перепѣваются между собою («антифонное пѣніе»). Такимъ образомъ выступаетъ на сцену и второй существенный элементъ драмы—*діалогъ*, первоначально еще хоровой, которымъ сопровождается и поясняется мимическое дѣйствіе. Въ дальнѣйшемъ развитіи собственно словесной части драматической игры-пѣсни изъ хора выдѣляется главный пѣвецъ, корифей, какъ уставщикъ и носитель текста, — и роли иногда мѣняются: раньше «актеры» исполняли нѣмую пантомиму подъ припѣвы хора, теперь же самъ хоръ является мимическимъ иллюстраторомъ пѣсни своего руководителя. Затѣмъ и этотъ послѣдній, въ свою очередь, можетъ раздѣлиться на два лица, чередующіяся между собою въ пѣніи («амебейное пѣніе»), и первоначальный монологъ корифея разбивается въ діалогъ двухъ актеровъ, уже не хоровой, а личный, открывающій просторъ личному вдохновенію и импровизаторскимъ способностямъ исполнителей. Наконецъ, дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи и осложненіи этого пѣсенно-игрового дѣйства являются костюмировка и гримировка, въ видѣ переряживанія богами, чудовищами, людьми, животными и т. п. Такимъ образомъ вводится въ дѣло еще и третій элементъ драмы—*подражательно-изобразительный*.

Итакъ, въ постепенномъ ходѣ своего развитія, идущаго параллельно развитію и осложненію народной жизни, драматическое дѣйство—игра, обрядъ или культовая церемонія — еще за предѣлами литературы понемногу выдѣляется изъ синкретической хоровой пѣсни въ свою особую форму. Съ постепеннымъ развитіемъ діалога создаются бытовые эпизоды и сценки съ опредѣленными типами и масками и пр. И когда, наконецъ, настаетъ пора перехода отъ собирательнаго народнаго творчества къ личному, искусственному, когда рядомъ съ общенародною словесностью появляется и начинаетъ развиваться литература, тогда всѣ указанные выше отдѣльные элементы